

Аквакультура и технологии воспроизводства

УДК 349.42

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУСЛОВЫХ ПРУДОВ В АКВАКУЛЬТУРЕ (В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

© 2022 С. А. Сенников

*Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ФГБНУ «ВНИРО»),
Азово-Черноморский филиал ФГБНУ «ВНИРО» («АзНИИРХ»), Ростов-на-Дону 344002, Россия
E-mail: sergesennikov@yandex.ru*

Аннотация: На протяжении длительного времени в сфере аквакультуры сохраняется неопределенность в порядке использования прудов, образованных водоподпорными сооружениями на водотоках (т. н. «русловых прудов»), несмотря на многочисленные попытки законодательного урегулирования возникающих противоречий — включая очередную такую попытку, совершенную в прошлом году принятием Федерального закона от 11 июня 2021 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Поправки, внесенные указанным законом, устанавливают новые правовые механизмы использования русловых прудов для прудового рыбоводства, что делает их изучение особенно актуальным. Однако до конца понять суть произошедших изменений не удастся без осознания исторического развития правового режима данных водных объектов. В связи с этим в статье показано, как постепенно путем многочисленных законодательных изменений русловые пруды были введены в имущественный оборот, и появился принцип разделения водных ресурсов русловых прудов и земель под ними, из которого следует, что вода в таких прудах остается федеральной, а земельные участки под ними могут находиться в других формах собственности. Изучены вопросы о соотношении обозначенного принципа с остальными принципами правового регулирования, лежащими в основе водного и земельного законодательства, и о его восприятии судебной практикой. Подробно проанализированы изменения, принятые Федеральным законом от 11.06.2021 № 163-ФЗ, в части, касающейся регулирования русловых прудов; с учетом указанных изменений предложена классификация оснований для использования водных объектов в рыбоводстве, а также сделан вывод о том, какие проблемы в использовании русловых прудов сохранились, несмотря на последние попытки законодателя их устранить. Наконец, предложены направления дальнейших изменений, по которым, как представляется автору, мог бы пойти законодатель для решения выявленных проблем.

Ключевые слова: пруды и обводненные карьеры, русловые пруды, рыбоводство, прудовая аквакультура, договор о пользовании рыбноводным участком, договор водопользования, решение о предоставлении водного объекта в пользование, земли водного фонда, земли сельскохозяйственного назначения, принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов

PROBLEMS OF USING RIVERBED PONDS IN AQUACULTURE (IN THE CONTEXT OF RECENT LEGISLATIVE CHANGES)

S. A. Sennikov

*Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography (FSBSI "VNIRO"),
Azov-Black Sea Branch of the FSBSI "VNIRO" ("AzNIIRKH"), Rostov-on-Don 344002, Russia
E-mail: sergesennikov@yandex.ru*

Abstract. For a long time in the field of aquaculture existed the uncertainty, associated with the use of the ponds formed by water-retaining structures on watercourses (the so-called "riverbed ponds"), despite numerous attempts to resolve emerging contradictions legislatively—including another such attempt made last year by the adoption of Federal Law No. 163-FZ of June 11, 2021 "On the amendment of the Federal Law "On aquaculture (fish farming) and amendment of some legislative acts of the Russian Federation" and some legislative acts of Russian Federation". The amendments introduced by this law establish new legal mechanisms for the use of riverbed ponds for the purposes of pond aquaculture, which makes their study particularly relevant. However, it will not be possible to fully understand the essence of these legislative changes without understanding the history and development of the legal framework applicable to these water bodies. In this regard, this article shows how riverbed ponds through numerous legislative changes were gradually introduced into the property circulation and how the principle of separation of the water resources of riverbed ponds and the land under them appeared, which means that the water in such ponds remains federal, but the land under them may be in other forms of ownership. This article also discusses the questions of the correlation of this principle with other principles of the legal regulation underlying water and land legislation, and how it is perceived by judicial practice. The author analyzed in detail the amendments, adopted by Federal Law of 11.06.2021 No. 163-FZ, concerning the regulation of riverbed ponds, proposed a classification of the legal basis for the use of water bodies in fish farming, and concluded what problems in the use of riverbed ponds remained, despite recent legislation attempts to eliminate them. Finally, this article suggests directions for further changes, according to which, as it seems to the author, the legislator could go to solve the identified problems.

Keywords: ponds and water-filled quarries, riverbed ponds, fish farming, pond aquaculture, agreement on the use of a fish-breeding site, water use agreement, decision on the provision of a water body for use, water fund lands, agricultural lands, the principle of unity of the fate of a land plot and strongly related objects

ВВЕДЕНИЕ

Федеральным законом от 11.06.2021 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон от 02.07.2013 № 148-ФЗ «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об аквакультуре), Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ, Земельный кодекс РФ) и Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ (далее также — Водный кодекс РФ, ВК РФ), а также в ряд иных нормативных правовых актов были внесены изменения, призванные заполнить некоторые лакуны, имевшие место в сфере правового регулирования аквакультуры, особенно в части использования так называемых

«русловых прудов» или «прудов, образованных водоподпорными сооружениями на водотоках».

Феномен правовой конструкции русловых прудов не представляется достаточно изученным в отечественной юридической литературе. Между тем, судя по обширной многолетней судебной практике и неоднократным законодательным попыткам изменить правовое регулирование данных водных объектов, имеющиеся в обозначенной сфере общественных отношений проблемы негативно влияют на все дальнейшее развитие аквакультуры России, что делает их особенно актуальными для изучения.

За рамками рассмотрения в настоящей статье оставлены вопросы анализа короткой истории применения принципов пастбищной аквакультуры для русловых прудов, образованных водоподпорными сооружениями на водотоках, адекватности такого применения с позиций эффективности/

неэффективности рыбоводных процессов, задач поддержания высокой биологической продуктивности прудов, достигнутых социально-экономических показателей результативности пастбищной аквакультуры и другие преимущественно биологические и рыбоводные вопросы. Также за рамками настоящего исследования оставлены вопросы критического рассмотрения и сравнения пастбищной и прудовой товарной аквакультуры как базовых технологий выращивания в русловых прудах объектов аквакультуры. Основным предметом рассмотрения настоящего исследования явились вопросы обоснованности возникновения и разграничения прав собственности при ведении товарной аквакультуры на русловых прудах.

Основной вопрос, порождающий множество судебных споров и законодательных изменений, заключается в том, кому принадлежат русловые пруды, и должны ли они наряду с прудами и обводненными карьерами стать исключением из общего правила об изъятии всех водных объектов из оборота и нахождении их исключительно в федеральной собственности. При положительном ответе на данный вопрос вынужденно возникает следующий — какие юридические механизмы следует использовать для вовлечения русловых прудов в имущественный оборот.

Дело в том, что в отличие от прудов и обводненных карьеров, обособленных от остальных водных объектов и выступающих составными частями земельных участков, на которых они находятся, уникальные по своей природе русловые пруды, образованные на водотоках в результате строительства гидротехнических сооружений, являются продолжением русла федерального водного объекта, т. е. всегда тесно связаны с изъятиями из оборота водоемами, находящимися на землях водного фонда. С учетом указанной связи логично заключить, что русловые пруды являются частью федерального водного фонда, который не может находиться в какой-либо форме собственности, кроме федеральной. С другой стороны, русловые пруды традиционно используются в целях рыбоводства, и их полное забвение для оборота и использования не отвечает целям развития аквакультуры. Именно поэтому законодатель не раз обращал внимание на рассматриваемую проблематику в попытках разрешить назревший конфликт публичных и частных интересов. Последней по счету попыткой как раз и стал упомянутый Федеральный закон от 11.06.2021 № 163-ФЗ, предложивший новые способы урегули-

рования противоречий и существенно изменивший предыдущее правовое регулирование товарной аквакультуры на русловых прудах.

Полноценно разобраться в произошедших изменениях невозможно без исторического обзора предыдущих реформ и особенностей их восприятия на практике, поэтому цель настоящей работы заключалась в том, чтобы исследовать процесс появления специальных норм, регулирующих общественные отношения, связанные с использованием русловых прудов в рыбоводстве, разобраться в причинах такого появления, выявить противоречия, которые в связи с этим возникли, — и, наконец, с учетом полученных результатов провести критический анализ последних законодательных изменений в обозначенной сфере с отражением тех вопросов, которые удалось разрешить, и тех, на которые еще предстоит найти ответы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для достижения поставленной цели при подготовке настоящей статьи, помимо анализа текста законов, использовались источники различных видов: научная литература, затрагивающая предмет исследования; законопроекты, пояснительные записки и иные материалы к ним, формирующиеся в процессе принятия законов; сообщения о работе государственных органов в направлении регулирования проблем русловых прудов; судебная практика судов всех инстанций; картографические материалы.

Предмет настоящего исследования лежит на стыке нескольких отраслей законодательства, поэтому при подготовке статьи потребовалось осуществить системный разбор комплекса из нормативных правовых актов: Водного кодекса РФ, Земельного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), Закона об аквакультуре, законов о введении в действие ВК РФ и ЗК РФ, других релевантных законов и подзаконных актов.

В ходе изучения немногочисленных научных работ, посвященных рассматриваемой проблеме, удалось проследить отклик, который встречали в доктрине предлагаемые законодателем различные способы регулирования, связь между теоретическими принципами, лежащими в основе правового режима русловых прудов, а также те варианты решения проблем, которые виделись ученым наиболее подходящими, что в итоге позволило сфор-

мулировать собственные направления дальнейшего реформирования.

Сухой текст законодательных изменений явно недостаточен для формулирования выводов о причинах принятия того или иного закона либо об интенциях его разработчиков, именно поэтому в ходе подготовки статьи рассмотрен каждый законопроект, имеющий отношение к поднятой теме, а также пояснительные записки к нему и те заключения, которые давали на него комитеты Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (в общей сложности более двух десятков). Наряду с этим для обеспечения всесторонности исследования внимание обращалось на материалы выступлений и совещаний федеральных государственных органов, посвященных русловым прудам. Данный метод исследования предоставил возможность глубже понять проблемы, имеющиеся в выбранной сфере регулирования, а также правовую позицию представителей законодательной и исполнительной ветвей власти по отношению к этим проблемам.

В свою очередь, для получения позиции представителей судебной власти по отношению к проблемам принадлежности и использования русловых прудов был проведен анализ более тридцати судебных актов, который, с одной стороны, продемонстрировал, какие споры возникают на практике, а с другой — предоставил возможность в динамике оценить картину отношения к поднятой проблеме правоприменителей.

Наконец, важным методом исследования выступила оценка картографических материалов, в частности публичной кадастровой карты Росреестра и базы данных «Яндекс.Карты», которые продемонстрировали специфику правовой квалификации прудов в качестве русловых на определенных территориях, на примере конкретных водных объектов и земельных участков. Также благодаря названному методу получилось обобщить критерии, на основании которых суды относили и относят пруды к русловым.

Все перечисленные методы использовались в трех направлениях — историческом (для обзора законодательных изменений и судебной практики, начиная с 2006 г.), формально-юридическом (для анализа положений нормативных правовых актов) и системном (в части исследования связей и противоречий между различными правовыми принципами и нормами).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Специфика прудов как объектов прав

Прежде чем приступить к анализу правового регулирования отношений, связанных с русловыми прудами, следует понять, что такое «пруд» с точки зрения действующего законодательства.

В ранее действовавшем Водном кодексе РФ от 16.11.1995 № 167-ФЗ для обозначения прудов использовался термин «обособленный водный объект» (замкнутый водоем) — небольшой по площади и непроточный искусственный водоем, не имеющий гидравлической связи с другими поверхностными водными объектами. Такие водные объекты были отнесены к недвижимому имуществу, признавались составной частью земельного участка, и в отношении них приоритет имели нормы ГК РФ. В отличие от обособленных остальные водные объекты могли принадлежать только Российской Федерации и были фактически изъяты из имущественного оборота, т. е. к ним в первую очередь применялись нормы Водного кодекса РФ, а не гражданского законодательства.

С принятием ныне действующего ВК РФ вместо обособленных водных объектов законодатель стал оперировать терминами «пруд» и «обводненный карьер», закрепив в статье 8 Кодекса, что только данные водные объекты могут находиться в частной, муниципальной и региональной собственности, если они расположены в границах земельных участков, принадлежащих на праве собственности соответственно физическим и юридическим лицам, муниципалитету, субъекту РФ. Остальные водные объекты в силу указанной нормы традиционно ограничены в обороте и являются исключительно собственностью Российской Федерации.

Неопределенность в статусе прудов и обводненных карьеров сразу стала вызывать озабоченность у водопользователей и правоприменителей и до настоящего времени обращает на себя внимание научного сообщества [1, 2]. За прошедшее время предпринимались неоднократные попытки [3–5] ввести указанные понятия в ВК РФ, однако ни одна пока не увенчалась успехом. При этом даже среди данных законопроектов предложенные дефиниции существенно отличались друг от друга, что говорит об изначальной неоднозначности сделанного законодателем выбора.

Одновременно с принятием ВК РФ из ст. 130 ГК РФ, в которой содержится перечень недвижимых вещей, было исключено упоминание обособлен-

ных водных объектов, и тем самым данный термин окончательно исчез из законодательства. Надо сказать, что признание обособленного водного объекта самостоятельной недвижимой вещью противоречило его статусу как составной части земельных участков, т. к. часть недвижимой вещи самостоятельной вещью очевидно являться не может.

Итак, новые понятия «пруд» и «обводненный карьер» потеряли важный конституирующий признак, позволяющий отделить их от остальных федеральных водных объектов, а именно — отсутствие гидравлической связи с другими поверхностными водными объектами. Как будет продемонстрировано в дальнейшем, отсутствие такого критерия порождает множество спорных ситуаций, когда невозможно четко определить, относится ли тот или иной водный объект к свободно оборачиваемым пруду, обводненному карьере или к ограниченным в обороте федеральным водоемам.

В настоящий момент два указанных термина (пруды и обводненные карьеры) предназначены для обозначения тех водных объектов, которые в отличие от остальных являются составными частями земельных участков и в их составе выступают в имущественном обороте. Аналогичным образом интерпретирует нормы ВК РФ и Министерство природных ресурсов и экологии РФ: согласно их позиции, опубликованной на официальном сайте [6], термины «пруд» и «обводненный карьер» главным образом применены в Водном кодексе РФ для характеристики водных объектов, которые могут отчуждаться в соответствии с гражданским законодательством.

Причины появления понятия «русловые пруды»

Неоднозначность правового регулирования, вызванная содержанием статьи 8 ВК РФ, была усугублена введением в правовую сферу Федеральным законом от 01.07.2017 № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования отношений в области аквакультуры (рыбоводства)» понятия «пруды, образованные водоподпорными сооружениями на водотоках», которые в профессиональной среде и научной литературе стали называть «русловыми прудами».

Как следует из пояснительной записки [7] к законопроекту, его принятие обусловлено необходимостью законодательного регулирования вопросов предоставления рыбоводным хозяйствам права пользования землями, занятыми русловыми пруда-

ми, о которой было сказано в Перечне поручений Председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина от 06.10.2014 № вн.1.1-23/577 [7] и в перечне поручений Президента Российской Федерации от 22.06.2016 № Пр-1191 [8], принятом по итогам Межрегионального форума Общероссийского народного фронта [9].

Подобное внимание законодателя объясняется природными особенностями рассматриваемых водных объектов — русловые пруды образованы водоподпорными (гидротехническими) сооружениями на водотоках, а последние в силу ст. 8 ВК РФ отнесены к федеральным водным объектам. Т. е. они имеют гидравлическую связь с иными поверхностными водами, а, следовательно, тоже должны быть ограничены в обороте и принадлежать исключительно Российской Федерации. Более того, с учетом предыдущей редакции ст. 102 ЗК РФ, которая действовала в 2017 г. при принятии рассматриваемого закона, все земли, занятые поверхностными водными объектами, относились к землям водного фонда, под которыми запрещалось образование земельных участков.

Иными словами, по своей природе русловые пруды относятся к публичным федеральным водным объектам, и их нельзя отождествлять с не ограниченными в обороте прудами и обводненными карьерами, являющимися составными частями земельных участков. Между тем, русловые пруды активно использовали и используют для прудовой аквакультуры, поэтому подобные специфические объекты не могли остаться без нормативно-правового регулирования.

Как известно, правовой режим использования водоемов имеет особое значение для двух видов аквакультуры — пастбищной и прудовой; последняя предназначена для тех водных объектов, которые не ограничены в обороте и являются составными частями земельных участков сельскохозяйственного назначения (не считая водные объекты, используемые для функционирования мелиоративных систем), первая — для ограниченных в обороте публичных водных объектов, использование которых под аквакультуру может осуществляться только на основании заключенного по результатам торгов договора пользования рыбным участком (без образования земельного участка).

Однако русловые пруды в данную категорию никак не вписывались, поскольку, с одной стороны, будучи публичными водными объекта-

ми на землях водного фонда, не могли однозначно быть признаны прудами в том значении, которое придает им ч. 2 ст. 8 ВК РФ, и, соответственно, ведение на них прудовой аквакультуры находилось под постоянной угрозой запрета, а с другой — выделение на них рыбоводных участков формально было запрещено ч. 3 ст. 4 Закона об аквакультуре, согласно которой на прудах такие участки не выделялись.

Кроме того, русловые пруды не соответствуют критерию, предусмотренному для прудов и обводненных карьеров ч. 5 ст. 7 Федерального закона от 3 июня 2006 г. № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации», согласно которой земельные участки, в границах которых расположены пруд или обводненный карьер, должны иметь в своем составе земли, покрытые поверхностными водами, в пределах береговой линии. Между тем, русловой пруд, даже если под ним образован земельный участок, как правило, не может иметь четкой береговой линии, поскольку как минимум с одной его стороны всегда будет находиться русло реки или иного водотока, а значит прудом в смысле ст. 8 ВК РФ его признавать нельзя.

В итоге данный пробел закона в совокупности с остальными перечисленными недосказанностями серьезно мешал рыбоводным хозяйствам, ведущим свою деятельность на русловых прудах.

В частности, сложилась обширная судебная практика по делам, в которых Российская Федерация в лице прокуратуры или иных федеральных органов власти требовала признать ничтожными сделки, на основании которых юридическими и физическими лицами приобретались права на земельные участки с расположенными на них русловыми прудами. Истцы, основываясь на положениях Водного кодекса РФ, считали, что русловой пруд, находящийся на федеральном водотоке, мог быть предоставлен исключительно в пользование и только на основании договора водопользования или решения соответствующего публичного органа.

Судебные органы выработали ряд устоявшихся правовых позиций, направленных на разрешение сложившихся противоречий и выявление разницы между обычными прудами и русловыми.

Так, отсутствие в законодательстве понятий «пруд» и «обводненный карьер» суды компенсировали терминологией ГОСТ 19179-73 «Гидроло-

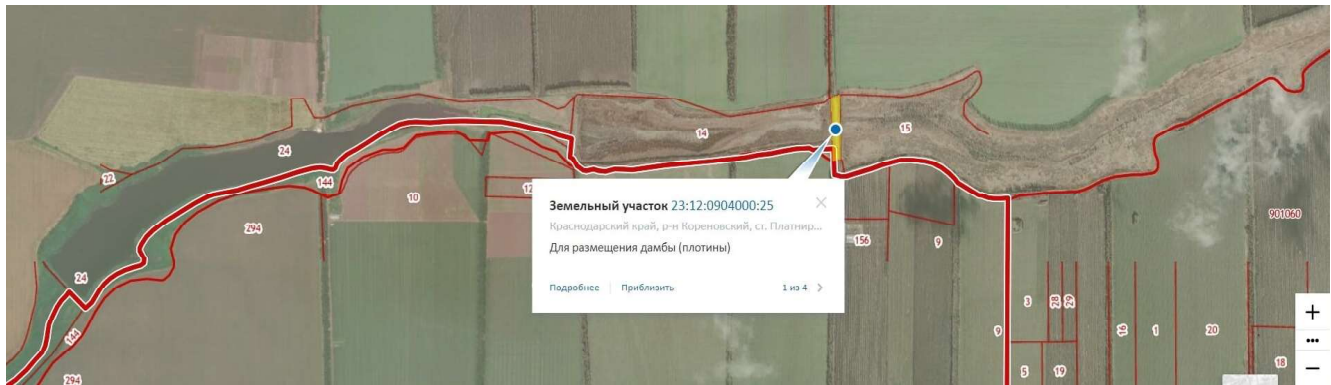
гия суши. Термины и определения» [10], согласно которому пруд является небольшим искусственным водоемом на водотоке, образованным водоподпорным сооружением, разновидностью водохранилища. Под такое определение подпадают русловые пруды, тогда как остальные пруды и обводненные карьеры, не образованные на водотоке, согласно ГОСТу должны признаваться прудами-копанями.

К сожалению, такой подход все равно не вносил окончательной ясности в вопрос о квалификации водных объектов с точки зрения разграничения прав на них (ст. 8 ВК РФ), поскольку, исходя из терминов ГОСТ, в частной, муниципальной и региональной собственности могли находиться мелководные водохранилища площадью не более 1 км², расположенные на федеральном водном объекте и имеющие с ним непосредственную связь, что ранее до принятия ВК РФ прямо запрещалось законодательством, да и не очень соответствовало упомянутому выше запрету на образование земельных участков из земель водного фонда под такими мелководными русловыми водохранилищами.

Поэтому судебная практика выработала второй подход, согласно которому «при наличии гидравлической связи с водным объектом федерального уровня собственности пруд также является собственностью Российской Федерации» [11–13].

Для наглядности следует воспользоваться картографическими данными и продемонстрировать на примере двух конкретных споров, по каким признакам суды определили, что пруды являются русловыми. За основу взяты материалы публичной кадастровой карты Росреестра и Яндекс.Карт; первые — чтобы показать объекты с точки зрения государственного кадастра недвижимости, вторые — чтобы обозначить федеральные водотоки, которые на публичной кадастровой карте не отражаются.

В первом деле № А32-27320/2011 [14] предметом спора выступали земельные участки, на которых располагались два пруда, образованные в пересохшем участке русла балки Ставок (Коновалова) (Краснодарский край). Как показано на рис. 1 и 2, каждый из указанных прудов с двух сторон окаймляют земляные дамбы, оснащенные водопропускными устройствами, под ними находятся поставленные на кадастровый учет три спорных земельных участка № 14, 15 и 24, и еще один участок № 25 образован под разделяющей

Рис. 1. Схема границ земельных участков №№ 14, 15 (справа), 24 (слева), 25 (выделен желтым цветом)

Fig. 1. Diagram of the boundaries of land plots No. 14, 15 (right), 24 (left), and 25 (highlighted in yellow)

Рис. 2. Те же земельные участки (красные фигуры) с обозначением балки Ставок

Fig. 2. The same land plots (marked with red) with the designation of Stavok Gully

пруды дамбой. Вывод о том, что пруды находятся в русле балки, был сделан апелляционным судом путем сопоставления карт соответствующей местности до создания прудов (1902 и 1930 гг.) и после их создания. Примечательно, что в ходе судебного разбирательства проводилась экспертиза, которая подтвердила отсутствие гидравлической связи прудов с какими-либо поверхностными водными объектами. Тем не менее решающим для суда стал тот факт, что водоток балка Ставок (Коновалова), в русле которой образованы спорные земельные участки, входит в водохозяйственный участок 06.01.00.003 (река Кирпили), и сведения о ней

содержатся в государственном водном кадастре — иными словами, данная балка относится к федеральному водному фонду. Отсутствие в балке поверхностного водотока суд разумно посчитал следствием строительства земляных дамб, поэтому не рассмотрел данный признак в качестве основания для признания прудов обособленными, которые могут находиться в частной собственности в силу ст. 8 ВК РФ.

Приведенный пример свидетельствует о том, что одного отсутствия фактической гидравлической связи пруда с иными поверхностными водными объектами для признания в отношении него

частной/муниципальной/региональной собственности недостаточно; важно, чтобы такое отсутствие было вызвано естественными, а не рукотворными причинами, и пруд при этом не находился в русле водотока. Кроме того, можно заключить, что для признания пруда русловым важна сама возможность наличия у него гидравлической связи с иными поверхностными водными объектами. В настоящем деле суд отметил еще один важный признак прудов, которые не являются русловыми: они должны полностью располагаться в границах земельных участков, т. е. быть окруженными землей со всех сторон, и их гидравлическая связь с иными водными объектами не должна быть поверхностной.

В следующем примере (дело № А27-4204/2016) [15] Арбитражный суд Кемеровской области не нашел оснований для признания спорного пруда русловым, однако Седьмой арбитражный апелляционный суд пришел к противоположным выводам после проведения по делу экспертизы, по итогам которой определено, что в границах испрашиваемого земельного участка № 47 имеются ручей, река Ермилова и русловый пруд. При этом в момент осмотра русло реки и сток пруда в реку были сухими, но экспертом сделан вывод, что гидравлическая связь между ними проявляется в период половодий, т. к. вода в пруду не является застойной. На рис. 3 и 4 также видно, что река Ермилова в момент снимка пересохла, тем не менее пруд является продолжением ее русла.

Помимо экспертного заключения суд основывался также на сведениях государственного водного реестра, подтверждающих расположение на спорном земельном участке реки Ермилова, ручья без названия и руслового пруда, отметив при этом, что даже отсутствие водных объектов в реестре не препятствовало бы установлению факта их наличия.

Следует отдельно отметить две важные правовые позиции, обозначенные судом:

- если пруд включает в себя в качестве составной части водоток (реку, ручей, канал), которые в силу положений ВК РФ являются федеральной собственностью, такой пруд может находиться только в федеральной собственности;
- в частной, муниципальной и региональной собственности могут находиться только замкнутые водоемы, находящиеся за пределами водотоков.

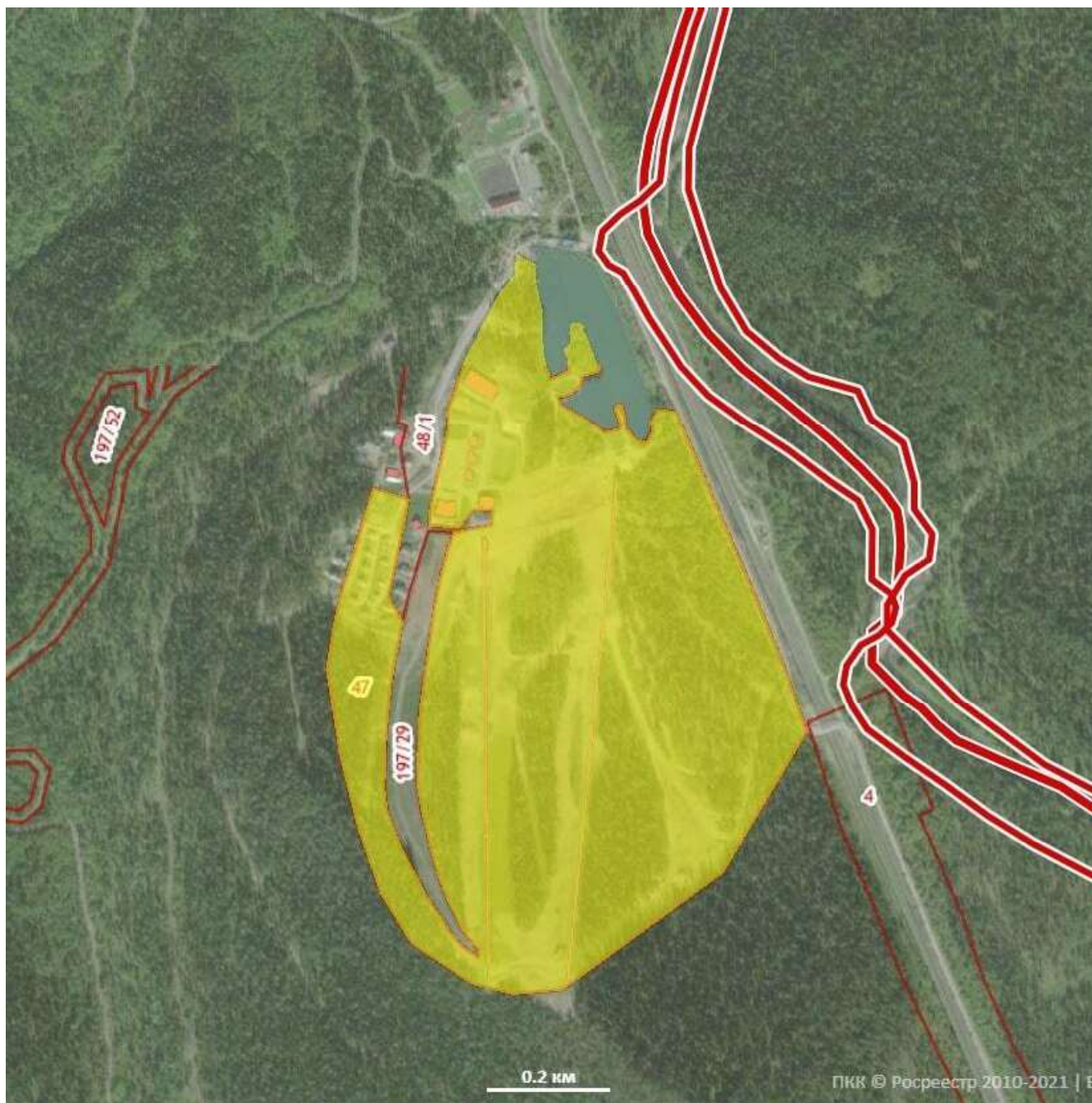
Итак, на основании рассмотренных примеров следует обобщить те критерии, которыми руководствовались суды для отнесения того или иного спорного водного объекта к русловому пруду, т. е. к федеральной собственности:

- не обособлен, т. е. не окружен землей (береговыми линиями в границах одного земельного участка) со всех сторон;
- не является замкнутым, т. е. располагается на водотоке и включает в себя такой водоток в качестве составной части;
- имеет или может иметь гидравлическую (в качестве синонима судами также используется термин «гидрологическая») связь с иными федеральными поверхностными водными объектами, под которой понимают как постоянный, так и временный **естественный обмен поверхностными** водами;
- наблюдается постоянная либо периодическая естественная наполняемость пруда федеральными водными ресурсами;
- имеется причинно-следственная связь между строительством водоподпорного сооружения на водотоке и образованием пруда.

Следует обратить внимание, что такой признак, как возможность естественной наполняемости русловых прудов, позволяет отличать их от тех прудов, которые связаны с федеральными водоемами подводящими гидротехническими сооружениями и наполняются за счет федеральных водных ресурсов искусственно, — например, на основании решений о предоставлении водных объектов в пользование в целях забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и сброса сточных вод для осуществления аквакультуры (рыбоводства). Естественный характер наполняемости может приводить к безосновательному использованию федеральных водных ресурсов, при этом одновременно может происходить попадание в пруд водных биоресурсов и их бесконтрольное изъятие.

Еще одним характерным признаком как разобранных выше, так и многих других дел, связанных с оспариванием прав на русловые пруды, является проведение судебной экспертизы с целью определения вида водоема и возможности отнесения его к русловым прудам, результаты которой, как можно было убедиться на одном из разобранных выше дел, не всегда ложатся в основу принимаемых решений.

Рис. 3. Земельный участок № 47 в границах, измененных после завершения спора
Fig. 3. Land plot No. 47 within the borders changed after the court case

Как мы видим, суды вернули значимость критерию обособленности водного объекта, который был предусмотрен предыдущим Водным кодексом РФ и исчез с принятием ныне действующего ВК РФ, заполнив тем самым имеющийся в регулировании пробел.

Обозначенные выше критерии были неоднократно подтверждены высшими судебными инстанциями — Высшим Арбитражным Судом (до его ликвидации в 2014 г.) и Верховным Судом РФ, — что делало их практически незыблемыми.

В итоге иски о признании незаконным образования земельных участков под русловыми прудами и о снятии их с кадастрового учета, а также о недействительности сделок, на основании которых такие земельные участки переходили в частную собственность или в аренду частным пользователям, повсеместно получали судебную защиту, что, конечно, не добавляло уверенности рыболовным хозяйствам, ведущим деятельность на русловых прудах.

Рис. 4. Земельный участок с обозначением пруда (красный указатель) и реки Ермилова

Fig. 4. Land plot with the designation of the pond (red pointer) and the Ermilova River

В научном сообществе к 2017 г. также прямо признавалось, что ведение прудовой аквакультуры на русловых прудах запрещено законом и судебной практикой, и предлагались самые разные варианты решения проблемы — от введения в законодательство четких понятий «пруда» и «руслового пруда» или критериев их разграничения до признания

возможности выделять на русловых прудах рыбоводные участки [16].

Анализ положений Федерального закона от 01.07.2017 № 143-ФЗ

Для разрешения проблемы законодатель не стал учитывать сложившуюся судебную практику и доктринальные предложения, выбрав совсем иной путь.

Во-первых, перечень водных объектов, на которых допускается осуществлять прудовую аквакультуру (ч. 7 ст. 12 Закона об аквакультуре), дополнился русловыми прудами, т. е. данное понятие было впервые введено на законодательном уровне. Одновременно по всему Закону об аквакультуре после слова «пруды» была добавлена фраза «в том числе образованные водоподпорными сооружениями на водотоках»; тем самым русловые пруды были приравнены к обычным прудам, что, помимо прочего, приводило к запрету выделения на них рыбоводных участков.

Во-вторых, было установлено, что в составе земель сельскохозяйственного назначения выделяются земли, занятые русловыми прудами (п. 2 ст. 77 ЗК РФ).

В-третьих, утверждалось право собственника земельного участка строить на нем русловые пруды (подп. 3 п. 1 ст. 40 ЗК РФ).

Наконец, в-четвертых, в ст. 3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» добавлялась норма, согласно которой право собственности на земельные участки, на которых построены русловые пруды, сохраняется.

Однако перечисленные изменения только усугубили неоднозначность регулирования, вызвав немало вопросов. В частности, как может под русловым прудом, относящимся к землям водного фонда, образовываться земельный участок? И как может этот земельный участок в итоге находиться в частной собственности и относиться к землям сельскохозяйственного назначения, если на нем расположен федеральный поверхностный водный объект?

На схожие вопросы (когда закон был еще законопроектом во втором чтении) обращало внимание Правовое управление Аппарата Государственной Думы [17], сделав вывод, что проектируемые нормы в целом не позволят однозначно определить правовой режим соответствующего земельного участка в случае его обводнения в результате строительства пруда на водотоке.

Кроме того, в доктрине до сих пор вызывает вопросы последнее из вышеперечисленных изменений о сохранении права собственности на земельные участки, на которых построены русловые пруды. Отмечается, что большинство из таких земельных участков было приватизировано в условиях правовой неопределенности, а порой и

неправомерно, в связи с чем пруды, которые всегда находились в публичной собственности без права отчуждения, оказались в частной собственности, а названным законом в 2017 г. были легализованы все решения и действия по предоставлению в частную собственность земельных участков вместе с расположенными в их границах прудами. На основании данной нормы делается вывод о том, что земли под русловыми прудами в составе земельных участков автоматически исключены из состава земель водного фонда [18].

Косвенно ответы на перечисленные вопросы можно почерпнуть из заключения Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию от 27.06.2017 № 3.7-03/1478 [19] на анализируемый закон, в котором обращается внимание на специфику прудовой аквакультуры, предполагающей периодический спуск воды для осуществления ветеринарно-санитарных и агротехнических мероприятий, проводимых для повышения рыбопродуктивности прудов, а также для уничтожения возбудителей болезней рыб. При этом в силу ЗК РФ осуществление рыбоводства на прудах, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, осуществляется на основании имущественных прав на соответствующий земельный участок.

По всей видимости, законодатель, учитывая двойственную природу русловых прудов, все-таки допустил разделение прав на них и на земельные участки, в границах которых они расположены, введя таким образом изъятие из единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (ст. 1 ЗК РФ). Идея состояла в том, чтобы предоставить рыбоводным хозяйствам возможность пользоваться землей под русловыми прудами в периоды, когда вода в них спущена, чтобы после спуска воды земельный участок оставался в собственности рыбоводного хозяйства.

Приведенный вывод также косвенно подтверждается пояснительной запиской [20] к последним изменениям в Законе об аквакультуре, о которых пойдет речь ниже. В ней прямо говорится, что земля под русловыми прудами может находиться в собственности или в аренде у предпринимателя, но при этом право пользования рыбоводным участком все равно можно получить только на торгах.

Таким образом, законодатель в 2017 г. допустил ситуацию, при которой земля под русловыми прудами находится в частной собственности, а

водные ресурсы в прудах — в федеральной. Однако подобное регулирование прямо противоречило множеству уже названных в настоящей статье норм водного и земельного законодательства, а также шло вразрез со сложившейся судебной практикой. Более того, не был урегулирован главный вопрос — на каком основании можно осуществлять аквакультуру в русловых прудах как федеральных водных объектах? Возможно три таких основания: договор водопользования, решение о предоставлении водного объекта в пользование и договор о пользовании рыбноводным участком. Последний способ для русловых прудов был прямо исключен ч. 3 ст. 4 Закона об аквакультуре в редакции анализируемого закона, а другие два для прудовой аквакультуры ст. 11 ВК РФ не предназначались.

Итог описанных изменений — сразу несколько нормативных правовых актов стали оперировать понятием «пруды, образованные водоподпорными сооружениями на водотоках», которые были прямо предназначены для осуществления прудовой аквакультуры, а земля под ними — введена в оборот посредством установления возможности образовывать на ней земельные участки с отнесением к категории земель сельскохозяйственного назначения; однако выбранный способ оставлял массу вопросов, а правовое регулирование прудовой аквакультуры все еще оставалось неоднозначным.

Применение законодательных изменений 2017 г. на практике

Как показала правоприменительная практика и дискуссии в научной среде, описанный выше Федеральный закон от 01.07.2017 № 143-ФЗ оказался далек от достижения поставленной цели.

Судебная практика, по сути, вообще не восприняла изменения и не поменяла ранее сложившиеся правовые подходы к регулированию разграничения прав на русловые пруды.

К примеру, уже после вступления в силу указанного закона вышел Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 17.07.2019 № 2, в п. 23 которого была сформулирована следующая позиция: «Ничтожным является договор аренды, заключенный органом муниципального образования в отношении земельного участка водного фонда, в границах которого находятся водные объекты, отнесенные к федеральной собственности» [21]. Помимо прочего, в данном Обзоре продублирован вывод о том, что, если пруд не изолирован от других поверхностных водных объектов и имеет с

ними гидравлическую связь, он относится к федеральной собственности, в т. ч. в случае, когда пруд образован на водотоке с помощью водоподпорного сооружения. При этом было прямо сказано, что составная часть федерального водного объекта (руслового пруда) — покрытая поверхностными водами земля в пределах береговой линии — также является федеральной собственностью, и на ней земельный участок не формируется, потому не может быть предоставлен в аренду. В пользование предоставляется водный объект на основании договора водопользования или решения о предоставлении водного объекта в пользование.

Т. е. по прошествии двух лет со дня принятия проанализированных выше законодательных изменений, призванных разрешить формирование под русловыми прудами земельных участков, Верховный Суд РФ утвердил прямо противоположную позицию.

Следует отметить, что в период между рассмотренными изменениями в Законе об аквакультуре 2017 г. и изменениями 22.06.2021, о которых будет сказано дальше, суды довольно последовательно отстаивали сложившиеся подходы к признанию русловых прудов федеральными водными объектами, а земли под ними — землями водного фонда. Так, приведенные выводы встречаются в целом ряде судебных актов инстанций всех уровней [22–28].

Проблема русловых прудов дошла даже до Конституционного Суда РФ, в который поступила жалоба на разобранный выше Федеральный закон от 01.07.2017 № 143-ФЗ, однако суд в определении от 28.02.2019 № 330-О указал, что не обнаружил фактов нарушения конституционных прав заявителя, и отказал в признании закона неконституционным. Важно отметить, что, несмотря на отказной характер определения, в нем косвенно признана возможность защиты имущественных интересов собственников земельных участков, на которых построены русловые пруды.

Нельзя не упомянуть, что в практике встречаются и противоположные решения судов [29], когда права на земельные участки под русловыми прудами признаются, а иски Российской Федерации не получают удовлетворения. Но даже в таких делах основным критерием определения прав на русловые пруды выступает гидрологическая (гидравлическая) связь, а точнее возможность такой связи с другими поверхностными водными объектами.

Только если ответчику удастся доказать отсутствие такой связи, он добивается судебной защиты своих прав на русловой пруд и участок под ним.

В научной литературе рассматриваемого периода также обращается внимание на невозможность беспрепятственного использования русловых прудов, несмотря на законодательную попытку устранения таких препятствий [1].

Еще одним ярким свидетельством сохранения имевшейся проблемы после 2017 г. можно считать состоявшееся 12.12.2018 заседание Комиссии Правительства Российской Федерации по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса [30], на котором в числе прочих обсуждались и вопросы использования русловых прудов для осуществления аквакультуры. Отмечалось, что предыдущие поправки в закон, принятые в июле 2017 г., полностью проблемы не решили, и договоры аренды или купли-продажи на земельные участки под русловыми прудами по-прежнему успешно оспариваются органами прокуратуры, которые считают эту территорию землями водного фонда, а значит — федеральной собственностью. Прозвучавшие на упомянутом заседании правительственной комиссии заявления окончательно подтверждают, что разобранный ранее Федеральный закон от 01.07.2017 № 143-ФЗ был направлен на создание отдельного регулирования водных ресурсов в русловых прудах и земельных участках под ними.

Кстати, подобный раздел земельного участка и расположенного на нем водного объекта чем-то напоминает действующий в отечественном порядке раздел земельных участков и находящихся на них зданий (сооружений), которые в силу уже упоминавшейся ст. 130 ГК РФ выступают в обороте в качестве самостоятельных недвижимых вещей, собранных воедино принципом единства судьбы из ст. 1 ЗК РФ. Такое положение вещей в юридическом сообществе называют «горизонтальным разделением» [31], отмечая его нетипичный для классического частного права характер, в котором единственным самостоятельным объектом оборота принято считать земельный участок, а расположенные на нем постройки — его составными частями. В настоящее время разработан законопроект о реформе вещного права в России, который предполагает постепенное возвращение к указанному классическому пониманию недвижимых вещей и признанию по общему правилу в качестве таковых только земельных участков [32].

Однако пока указанный проект не принят, существует реальная проблема признания в качестве недвижимых вещей объектов, которые никак к таковым относиться не могут (асфальтовых покрытий, бетонных площадок, выгребных ям и т. п.). Пруды тоже входят в список таких объектов — их могут признавать и признают гидротехническими сооружениями, регистрируют на них право собственности и тем самым вводят в оборот отдельно от земельных участков. В ситуации с прудами, расположенными на федеральных водотоках, это еще больше запутывает и без того неоднозначное правовое регулирование.

Тем не менее, как мы убедимся в дальнейшем, законодатель настойчиво следует по пути разделения русловых прудов на водные объекты и земельные участки.

Характеристика последних законодательных изменений 2021 г.

Итак, рассмотрев специфику и историю развития правового регулирования использования русловых прудов, а также судебную практику по спорам о признании прав на них, можем перейти к анализу недавно принятых изменений и целей, которые преследовал законодатель.

Речь идет о Федеральном законе от 11.06.2021 № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесшем поправки в целый ряд законодательных актов, связанных не только с аквакультурой.

Как следует из пояснительной записки [17] к указанному закону, он принят в связи с необходимостью уточнения порядка использования русловых прудов при осуществлении аквакультуры, на что было обращено внимание Генеральной Прокуратурой.

Несмотря на то, что изменения 2021 г. затрагивают несколько разных вопросов, для целей настоящей статьи интерес представляют только русловые пруды, поэтому мы остановимся на связанных с ними нововведениях.

1. Деление русловых прудов на два вида

В очередной раз была изложена в новой редакции ч. 3 ст. 4 Закона об аквакультуре — теперь рыболовные участки разрешено выделять на русловых прудах с акваторией площадью более 200 гектаров, а значит — и заниматься на них паст-

бищным рыбоводством. В отношении остальных прудов, а также обводненных карьеров и водных объектов, используемых для функционирования мелиоративных систем, сохранился общий запрет на формирование рыбоводных участков; следовательно, они предназначены только для осуществления прудовой аквакультуры.

Разработчики законопроекта в пояснительной записке указывают, что максимальная площадь в 200 гектаров для русловых прудов, в которых может осуществляться прудовая аквакультура, основана на требованиях к максимальной площади нагульных русловых прудов «(самых больших в технологическом ряде прудов полносистемного рыбоводного хозяйства)», установленных утраченным силу приказом Минрыбхоза СССР от 24 апреля 1985 г. № 241 «Об утверждении отраслевого сборника нормативно-технологической документации по товарному рыбоводству». По их мнению, большинство функционирующих в России рыбоводных хозяйств прудовой аквакультуры эксплуатируют русловые пруды, которые не превышают указанную площадь, и более того, по информации авторов законопроекта, после 1991 г. русловые пруды в стране не строились, а построенные до указанного периода соответствуют техническим нормам названного выше приказа Минрыбхоза СССР.

Таким образом, разделение русловых прудов на превышающие и не превышающие 200 гектаров введено для предотвращения конфликта интересов между действующими предприятиями прудового рыбоводства и лицами, заинтересованными в осуществлении на таких прудах пастбищного рыбоводства (с образованием рыбоводных участков).

2. Третий вид — русловые пруды больше 200 гектаров, построенные до 1980 г.

Авторы рассматриваемого закона учли то обстоятельство, что в России все же существуют занятые в прудовой аквакультуре одиннадцать русловых прудов, чья площадь превышает 200 гектаров, а значит формально с учетом предыдущего изменения они предназначены для рыбоводных участков, и продолжение на них прудового рыбоводства оказывается под запретом, несмотря на наличие под ними образованных земельных участков в собственности или в пользовании у рыбоводных хозяйств.

Однако у всех указанных русловых прудов есть один общий признак — период строительства до 1980 г. Исходя из данного критерия, в Федераль-

ный закон от 03.06.2006 № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» добавлена статья 6.6, предусматривающая возможность осуществления прудовой аквакультуры на «прудах с акваторией площадью больше 200 гектаров, образованных до 1980 г. водоподпорными сооружениями на водотоках».

Иначе говоря, для прудовой аквакультуры теперь предназначены русловые пруды:

- не превышающие 200 гектаров;
- превышающие 200 гектаров, но построенные до 1980 г.

3. Основания использования русловых прудов в аквакультуре

Закон также пролил свет на, пожалуй, самый важный вопрос, на который выше нами обращалось внимание — основание использования русловых прудов.

Теперь для осуществления прудового рыбоводства в русловых прудах требуется получать решение о предоставлении водных объектов в пользование. Это следует из ч. 3 ст. 11 Водного кодекса РФ, дополненной п. 12, а также из вышеупомянутой ст. 6.6 Федерального закона от 03.06.2006 № 73-ФЗ.

Дополнительно аналогичная обязанность установлена для осуществления прудовой аквакультуры на водных объектах, используемых в процессе функционирования мелиоративных систем.

Исходя из изложенного, в настоящее время перечень оснований для использования водных объектов в рыбоводстве условно можно представить следующим образом:

1. Решение о предоставлении водного объекта в пользование (прудовая аквакультура): а) русловые пруды ≤ 200 га; б) русловые пруды > 200 га, построенные до 1980 г.; в) водные объекты, используемые в процессе функционирования мелиоративных систем.
2. Договор пользования рыбоводным участком (пастбищная и/или индустриальная аквакультура): а) русловые пруды > 200 га, построенные после 1980 г., в случае выделения на них рыбоводных участков; б) иные публичные водные объекты в случае выделения на них рыбоводных участков.
3. Право собственности (аренды и т. д.) на земельный участок, в составе которого находится водный объект (прудовая аквакультура): а) пруд; б) обводненный карьер.

Здесь следует обратить внимание на ст. 8 и 11 ВК РФ, одна из которых допускает нахождение прудов и обводненных карьеров в муниципальной и региональной собственности в составе земельных участков, а другая устанавливает в качестве оснований для использования частными лицами таких региональных/муниципальных поверхностных водных объектов договор водопользования или решение о предоставлении водного объекта в пользование, т. е. те же основания, что и для ограниченных в обороте федеральных водных объектов. Исходя из системного толкования указанных норм, следует, что необходимость получать решение о предоставлении водного объекта или заключать договор водопользования в отношении муниципальных и региональных прудов и карьеров возникает исключительно при наличии целей, которые перечислены в ст. 11 ВК РФ, в остальных же случаях указанные водные объекты можно использовать одновременно с земельными участками, в границах которых они расположены, на основании договоров и процедур, предусмотренных гражданским и земельным законодательством (аренда, сервитут и т. д.).

4. Отчетность при осуществлении прудовой аквакультуры на русловых прудах

Следующее изменение (ч. 8 ст. 12 Закона об аквакультуре) касается установления для лиц, осуществляющих прудовую аквакультуру на русловых прудах с акваторией площадью не более 200 гектаров, обязанности сдавать отчетность об объеме выпуска в водные объекты и объеме изъятия из них объектов аквакультуры в порядке, установленном Минсельхозом РФ.

Как мы видим, в законе пропущена обязанность о сдаче аналогичной отчетности для тех лиц, которые осуществляют прудовую аквакультуру на третьем виде русловых прудов (построенных до 1980 г. и превышающих площадь 200 гектаров).

Можно было рассчитывать, что данный пробел будет заполнен при принятии Минсельхозом РФ упомянутого порядка представления отчетности, однако этого не произошло. В Приказе Министерства сельского хозяйства РФ от 6 октября 2021 г. № 691 «Об утверждении порядка предоставления отчетности об объеме выпуска в водные объекты и объеме изъятия из водных объектов объектов аквакультуры» речь идет о предоставлении в уполномоченное территориальное управление Росрыболовства сведений об объеме выпуска и изъятия

объектов аквакультуры рыбоводными хозяйствами, использующими рыбоводные участки, а также русловые пруды площадью менее 200 гектаров на основании решения о предоставлении водного объекта в пользование. При этом ни слова не говорится о рыбоводных хозяйствах, использующих русловые пруды площадью свыше 200 гектаров, построенные до 1980 г. Получается, формально такие рыбоводные хозяйства отчетность сдавать не должны, что необоснованно ставит в неравное положение остальные предприятия, занимающиеся аквакультурой на таких же водных объектах, отличающихся только годом образования и площадью.

Примечательно, что на стадии согласования указанный порядок отличался, разделяя рыбоводные хозяйства на «использующие рыбоводные участки» и «имеющие решения о предоставлении водного объекта в пользование», т. е. в отличие от законодателя разработчики приказа поначалу исходили не из критерия вида водного объекта, а из критерия основания для его использования, что позволяло распространять порядок сдачи отчетности на хозяйствующие субъекты, занимающие русловые пруды всех видов, и тем самым исправить описанное упущение законодателя. Однако к моменту утверждения приказа в его текст внесли перечисленные дополнения, в связи с чем отмеченная неопределенность продолжает сохраняться.

Кроме того, важно заметить, что разбираемая норма ч. 8 ст. 12 Закона об аквакультуре носит универсальный характер и устанавливает обязанность по сдаче отчетности для всех рыбоводных хозяйств, использующих русловые пруды, не превышающие по площади 200 гектаров, независимо от формы собственности на эти пруды.

Таким образом, законодатель признает, что русловые пруды являются федеральными водными объектами, для использования которых в рыбоводстве частным лицам требуется либо решение о предоставлении водного объекта в пользование (ст. 11 ВК РФ), либо договор о пользовании рыбоводным участком (ст. 4, 9 Закона об аквакультуре).

При ином толковании получалось бы, что физические и юридические лица, которые свободно владеют русловым прудом на праве собственности, при осуществлении прудовой аквакультуры в любом случае обязаны были бы отчитываться о том, что делают на собственном водном объекте. Но абсурдность такого вывода и противоречие его самому принципу права собственности заставляют

заклучить, что законодатель не допускает частной собственности на водные ресурсы русловых прудов.

5. Окончательное разграничение русловых прудов и земель под ними

Наконец, последним интересующим нас изменением является изложение ст. 102 Земельного кодекса РФ в новой редакции.

Данное изменение устранило противоречие между положениями п. 2 ст. 77 ЗК РФ, который относит к землям сельскохозяйственного назначения земли, занятые водными объектами, в т. ч. русловыми прудами, и старой редакции ст. 102 ЗК РФ, согласно которой любые земли, покрытые поверхностными водами (а значит и прудами), относились к землям водного фонда. Из-за данного противоречия было неясно, как определять, когда земли, занятые водными объектами, относятся к водному фонду, а когда — к землям сельскохозяйственного назначения.

В нынешней редакции ст. 102 ЗК РФ установлено, что земли, на которых расположены водные объекты, не относятся к водному фонду, если такие водные объекты находятся в пределах земель других категорий. Иными словами, если водный объект расположен в пределах поставленного на кадастровый учет земельного участка, такой участок не может быть отнесен к землям водного фонда.

Однако вместе с устранением указанного противоречия из статьи исчез важный принцип запрета образования земельных участков на землях водного фонда. Хотя выше было показано, что это одно из существенных отличий данной категории земель — сложно себе представить образование земельных участков под реками и другими водотоками в сложившейся системе правового регулирования.

К сожалению, изменения в ст. 102 ЗК РФ не отражены в пояснительной записке к анализируемому закону, поэтому об интенциях законодателя остается только догадываться.

Одновременно необходимо сказать, что изначально еще на стадии законопроекта принятая в итоге редакция ст. 102 ЗК РФ вызвала замечания Правового управления Аппарата Государственной Думы [33]; в частности, было отмечено, что она не позволяет однозначно определить водные объекты, которые не могут относиться к землям соответствующих категорий.

Еще один важный вывод, на который наталкивает новая редакция ст. 102 ЗК РФ, — окончатель-

ное закрепление режима разделения русловых прудов на водные ресурсы, всегда находящиеся только в федеральной собственности, и земельные участки, которые могут находиться в иных формах собственности и при спуске прудов эксплуатироваться водопользователями на праве частной собственности или аренды. Представляется, что прямое указание на невозможность отнесения сформированных под водными объектами земельных участков к землям водного фонда призвано поставить точку в спорах о правомерности постановки их на кадастровый учет — требования государственных органов о снятии с кадастрового учета земельных участков, на которых расположены русловые пруды, по мысли законодателя, не должны получать защиту, поскольку в тех случаях, когда водный объект полностью расположен в границах уже образованного земельного участка, последний в силу закона не может относиться к землям водного фонда.

Что касается восприятия судами рассмотренных выше новелл, то они пока снова никак не реагируют на законодательные изменения июня 2021 г. Различные судебные инстанции из разных округов продолжают исходить из критерия обособленности водных объектов и недопустимости формирования земельных участков на землях водного фонда [34–38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного анализа можно заключить следующее.

В целом последние законодательные изменения (Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 163-ФЗ) в регулировании русловых прудов оставляют более положительное впечатление, чем предыдущие (Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 143-ФЗ). Однако, несмотря на некоторое продвижение вперед, в отдельных аспектах наблюдается регресс.

В сложившемся к 2022 г. правовом регулировании отношений по использованию русловых прудов наблюдаются следующие проблемы и противоречия:

1. Предложенный законодателем критерий разделения русловых прудов в зависимости от площади акватории не представляется достаточно обоснованным. Он основан на утратившем силу советском законодательном акте и не подтвержденной статистически уверенности в том, что все действующие рыбоводные хозяйства соответст-

вуют закрепленным данным актом техническим требованиям; вместе с тем признается, что есть и не соответствующие таким требованиям пруды. Такое решение представляется не соответствующим уровню федерального закона. Также возникает вопрос, как быть с возможностью строительства русловых прудов, ведь, исходя из ст. 40 ЗК РФ, собственник земельного участка может «построить» на нем русловой пруд любой площади, не обязательно меньше 200 гектаров. Неужели в таком случае его участок и пруд на нем будет невозможно использовать для целей прудовой аквакультуры в силу искусственного ограничения законодателя?

2. В ходе принятия закона упустили необходимость распространить обязанность по сдаче отчетности на рыбоводные хозяйства, осуществляющие прудовую аквакультуру на русловых прудах больше 200 гектаров, построенных до 1980 г., что поставило рыбоводные хозяйства в одной и той же сфере деятельности в ситуацию ничем не обусловленного неравенства перед законом.

3. Установленный законодателем принцип разделения водных ресурсов русловых прудов и земель под ними, означающий, что вода в таких прудах всегда относится к федеральной и поэтому может использоваться только по публично-правовым основаниям, а земельные участки, на которых расположены русловые пруды, эксплуатируемые для прудовой аквакультуры, могут находиться и в других формах собственности, противоречит, во-первых, сложившейся системе распределения прав на водные объекты, предусмотренной ст. 8 ВК РФ в совокупности с ч. 5 ст. 7 Федерального закона от 3 июня 2006 г. № 73-ФЗ «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации», а во-вторых, принципу единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (ст. 1 ЗК РФ). Указанные нормы составляют основы водного и земельного законодательства и предполагают недопустимость приватизации федеральных водных объектов, с одной стороны, и разделения оборота земельных участков с находящимися на них объектами, с другой.

При этом из статьи 102 ЗК РФ исчез важнейший принцип недопустимости формирования земельных участков на землях водного фонда, что еще сильнее обнажает обозначенные противоречия.

4. Сохраняющееся отсутствие в законе четких понятий или критериев разграничения прудов, обводненных карьеров и русловых прудов остав-

ляет неопределенность регулирования, а это, в свою очередь, порождает риски злоупотреблений. Законодатель не стал ни закреплять устоявшиеся в судебной практике критерии определения руслового пруда как основания для признания его федеральным (возможность естественной гидравлической связи с другими водными объектами, отсутствие замкнутости, нахождение пруда на русле водотока, естественная наполняемость федеральными водными ресурсами и др.), ни вводить новые, позволяющие окончательно разрешить возникающие противоречия. Единственным признаком русловых прудов, вытекающим из закона, остается причинно-следственная связь между строительством водоподпорного сооружения на водотоке и образованием пруда, хотя одного данного признака явно недостаточно.

В связи с этим по-прежнему возможны ситуации, когда практически любой пруд могут в судебном порядке признать русловым, тем самым распространив на него режим раздельного регулирования водных ресурсов и земельного участка и возложив дополнительные издержки на рыбоводное хозяйство. Представляется, что в большинстве случаев решение суда будет зависеть от результата экспертизы на предмет наличия или отсутствия гидравлической связи руслового пруда с водотоком, а это, в свою очередь, не дает никаких гарантий предпринимателям.

С другой стороны, допускается фактическая приватизация земель под федеральными водными объектами (русловыми прудами), порядок и критерии которой отдельно не урегулированы, что безусловно не отвечает публичным интересам.

5. Новый механизм не предусматривает достаточных инструментов контроля за использованием водных биологических ресурсов при осуществлении прудовой аквакультуры на русловых прудах. Причем в деятельности уполномоченного государственного органа — Федерального агентства по рыболовству — отсутствует как стадия «предконтроля» (во время начала осуществления рыбоводства), так и стадия «постконтроля» (в случае нарушения порядка сдачи отчетности).

5.1. В частности, у Росрыболовства нет гарантированной возможности получить сведения о начале использования рыбоводными хозяйствами русловых прудов площадью до 200 гектаров (а также свыше 200 гектаров, образованных до 1980 г.), поскольку документ-основание для орга-

низации прудового рыбоводства на указанных водных объектах (решение о предоставлении водного объекта в пользование) выдается не Росрыболовством, а либо Росводресурсами (их территориальными органами), либо органом исполнительной власти субъекта РФ, либо органом местного самоуправления. Иными словами, рыбоводное хозяйство может начать эксплуатировать русловые пруды, не предоставляя отчетность, и государственный орган, уполномоченный на контроль за сохранением водных биоресурсов, даже не узнает об этом. При этом следует отметить противоположный порядок регулирования пастбищной аквакультуры, для начала осуществления которой рыбоводное хозяйство не может обойти стороной территориальное подразделение Росрыболовства, поскольку с последним обязательно заключается договор пользования рыбоводным участком.

5.2. Отсутствие «постконтроля» выражается в первую очередь в том, что за нарушение порядка сдачи отчетности рыбоводные хозяйства не могут быть привлечены к ответственности. Если в случае с пастбищной аквакультурой на русловых прудах нарушение обязанности по предоставлению отчетности должно влечь негативные правовые последствия в соответствии с договором пользования рыбоводным участком, то неправомерное использование тех же русловых прудов в прудовой аквакультуре подобных санкций не предполагает. Равным образом, за нарушение порядка предоставления отчетности не установлена административная ответственность. В конечном итоге сложившаяся ситуация приводит к отсутствию полноценного контроля за водными биоресурсами, обитающими в русловых прудах, т. к. создает возможность безнаказанного нарушения установленных требований, и если законодатель принятием комментируемого закона преследовал цель обеспечить контроль как за водными ресурсами, так и водными биологическими ресурсами, то эту цель нельзя признать достигнутой.

Кроме того, соотношение объектов аквакультуры, принадлежащих рыбоводному хозяйству, и водных биологических ресурсов, относящихся к собственности Российской Федерации, в процессе прудового рыбоводства на русловых прудах контролю и проверке не подлежит.

Исходя из изложенного, введенные законодателем требования получать решение о предоставлении водного объекта в пользование и сдавать

отчетность в случае эксплуатации русловых прудов в процессе осуществления прудовой аквакультуры не способствуют повышению эффективности контроля за сохранением водных биоресурсов в русловых прудах. Такое положение дел приводит к мысли о том, что законодатель изначально указанную цель не преследовал, но тогда остается вопрос о причинах введения данной обязанности по сдаче отчетности.

Более того, нельзя не отметить, насколько отличаются полномочия Росрыболовства в отношении одних и тех же водных объектов (русловых прудов) в зависимости от вида аквакультуры — от довольно широких при пастбищном рыбоводстве до минимальных при прудовом. И здесь снова возникает вопрос, чем обусловлена такая разница в регулировании порядка использования одинаковых водных объектов.

На наш взгляд, эффективнее и справедливее выглядит одинаковый и равный для всех режим эксплуатации русловых прудов, не зависящий от вида аквакультуры, площади и года создания водных объектов.

В связи с этим представляется возможным сформулировать следующие направления реформирования рассмотренной сферы регулирования.

Во-первых, отказ от запрета выделения рыбоводных участков для целей прудовой аквакультуры на прудах, образованных водоподпорными сооружениями на водотоках, независимо от площади их акватории (ч. 3 ст. 4 Закона об аквакультуре).

В настоящее время рыбоводные участки, как и договоры пользования рыбоводными участками, предназначены исключительно для осуществления пастбищной аквакультуры, однако, как представляется, ничто не мешает законодателю расширить применение данных правовых конструкций для регулирования осуществления прудовой аквакультуры на русловых прудах.

Запрет выделения рыбоводных участков имеет смысл, когда речь идет о не ограниченных в обороте прудах и обводненных карьерах, являющихся составными частями земельных участков и не отнесенных к федеральным водным объектам на землях водного фонда. В отношении них выделение рыбоводных участков просто не требуется, поскольку здесь можно обходиться привычными гражданско-правовыми инструментами. В отличие от этого, пруды, образованные водоподпорными сооружениями на водотоках, признаны законода-

телем частью ограниченного в обороте федерального водного фонда, поэтому запрет формирования на них рыбоводных участков, напротив, выглядит нелогичным, противоречащим устоявшейся системе распределения прав на водные объекты.

Конечно, сразу же возникает другой вопрос: неужели рыбоводным хозяйствам прудовой аквакультуры придется участвовать в торгах для заключения договора пользования рыбоводным участком? Это приведет к совершенно излишним издержкам и риску «захвата» пруда третьими лицами, не имеющими отношения к его образованию и эксплуатации, равно как и к образованию и эксплуатации земельного участка под ним.

Наиболее оптимальным решением в данном случае представляется принятие на уровне подзаконного акта порядка заключения договора пользования рыбоводным участком с рыбоводным хозяйством напрямую без проведения торгов. Разумеется, потребуется разработать отдельные четкие и прозрачные критерии определения тех предпринимателей, которые должны обладать доступом к русловому пруду без прохождения конкурентных процедур. Однако такой выход не приводит к слову сложившейся системы, не противоречит ей, а, напротив, аккуратно в нее встраивается, дополняя нужным образом. По сравнению с имеющимся половинчатым и противоречивым правовым регулированием режима эксплуатации русловых прудов переход на их использование в прудовой аквакультуре посредством образования рыбоводных участков выглядит гораздо предпочтительнее.

Указанным порядком заключения договора пользования рыбоводным участком на русловом пруде также должны быть регламентированы правила определения видов рыбоводства, которые можно осуществлять на том или ином участке, поскольку при принятии предлагаемых изменений это может быть как пастбищное, так и прудовое рыбоводство. Выбор вида осуществляемого рыбоводства может быть предоставлен рыбоводному хозяйству, подающему заявку на заключение договора, при его соответствии установленным критериям.

При этом нельзя забывать, что право собственности на объекты пастбищной аквакультуры возникает только после их добычи (вылова) (ч. 3 ст. 8 Закона об аквакультуре), однако для прудовой аквакультуры на прудах и обводненных карьерах такое положение дел неприемлемо, поскольку

рыбоводные хозяйства самостоятельно зарыбляют принадлежащие им водоемы и сразу становятся собственниками выращиваемой ими рыбы. Поскольку русловые пруды относятся к федеральным водным объектам и в них могут обитать федеральные водные биоресурсы, важно урегулировать порядок зарыбления таких водоемов и возможно-го изъятия обитающих в них водных биоресурсов. Данный порядок может быть закреплён в договоре пользования рыбоводным участком на основе предварительно выполненной рыбохозяйственной характеристики водоема и определения вероятности попадания в него водных биоресурсов из федерального водотока.

Предложенные решения позволят установить долгожданную правовую определенность в рассматриваемом вопросе, сделают неактуальным противоречащий действующему правопорядку принцип разделения водных ресурсов русловых прудов и земли под ними, равно как и раздельное регулирование русловых прудов в зависимости от площади их акватории, и приведут к установлению полноценного контроля за водными биоресурсами.

Более того, возможность выделения рыбоводных участков на всех русловых прудах независимо от площади позволит решить и проблему использования земельных участков под ними на период спуска воды. Не видится никаких препятствий тому, чтобы урегулировать порядок спуска воды и режим использования земель под ними в договоре пользования рыбоводным участком. В таком случае цель регулирования — контроль за федеральными водными ресурсами и водными биоресурсами — будет достигнута посредством применения привычного публично-правового механизма, который уже зарекомендовал себя на практике и который более всего подходит для изъятых из оборота публичных земель водного фонда. Больше не потребуется в нарушение основополагающих принципов земельного и водного законодательства образовывать земельные участки из земель водного фонда (соответствующий запрет в ст. 102 ЗК РФ должен быть восстановлен); достаточно будет дать рыбоводным хозяйствам прудовой аквакультуры, эксплуатирующим русловые пруды, возможность использовать земли под ними в период осушения прудов с соблюдением специально установленных для этих целей требований и условий.

Во-вторых, требуется ввести на уровне закона ясные критерии признания прудов русловыми,

позволяющие отличать их от обычных прудов и обводненных карьеров. За основу могут быть взяты уже сформулированные в судебной практике и отмеченные нами в настоящей статье критерии: наличие причинно-следственной связи между строительством водоподпорного сооружения и образованием пруда, возможность поверхностной гидравлической связи и естественной наполняемости пруда федеральными водными ресурсами, отсутствие береговых линий со всех сторон в пределах одного земельного участка. Данное предложение логично дополняет предыдущее, а его реализация должна привести к прекращению споров о принадлежности русловых прудов и занятых ими земель.

Итак, очевидно, что в корне проблемы использования русловых прудов лежит столкновение частных и публичных интересов: с одной стороны, заинтересованность предпринимателей в осуществлении аквакультуры с наименьшим объемом рисков и затрат, с другой — интерес государства в обеспечении гражданам равного доступа к водным объектам, предотвращения возможности «оккупации» водных ресурсов и водных биологических ресурсов, по общему правилу являющихся общественным достоянием. Следовательно, для решения обозначенной проблемы необходимо найти баланс между «частным» и «публичным», однако предпринятые законодателем попытки такого поиска пока не достигли цели; возможно, два предложенных нами направления позволят начать научно обоснованную дискуссию и в конечном итоге добиться принятия регулирования, устраивающего все заинтересованные стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круглов В.В., Пельвицкая Е.П. О взаимосвязи норм земельного и водного законодательства в процессе управления землями водного фонда // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 5. С. 69–73. doi: 10.34076/2410-2709-2020-5-69-75.
2. Хлебников П. Водные объекты как собственность — споры // Жилищное право. 2020. № 2. С. 5–13.
3. Проект федерального закона от 4 октября 2013 г. № 351873-6 «О внесении изменения в статью 8 Водного кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57706675/paragraph/1:5> (дата обращения 07.09.2021).
4. Проект федерального закона от 10 ноября 2014 г. № 646652-6 «О внесении изменений в Водный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части использования прудов, прудов-копаней и обводненных карьеров» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70790006/paragraph/1:10> (дата обращения 07.09.2021).
5. Проект федерального закона от 3 февраля 2015 г. № 714071-6 «О внесении изменений в Водный кодекс Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/57717448/paragraph/1:14> (дата обращения 07.09.2021).
6. Ответ Минприроды России на вопрос «Прошу дать юридически обоснованное понятие такого термина, как «пруд», используемого в водном законодательстве РФ», сентябрь 2017 г. // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77711857/> (дата обращения 10.09.2021).
7. Досье на проект федерального закона № 1039291-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования отношений в области аквакультуры (рыбоводства)» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77224774/paragraph/921:18> (дата обращения 12.09.2021).
8. Заключение Комитета Совета Федерации РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию от 27 июня 2017 г. № 3.7-03/1478 // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:23> (дата обращения 16.09.2021).
9. Стенограмма выступления В.В. Путина на «Форуме действий. Регионы» ОНФ // Российская газета. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/04/25/reg-pfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-forume-dejstvij-regiony-onf.html> (дата обращения 16.09.2021).
10. ГОСТ 19179-73 Гидрология суши. Термины и определения. М.: Изд-во Государственного комитета СССР по стандартам, 1988. 36 с.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2014 г. № 308-ЭС14-4396 по делу № А53-24181/2012. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1385814 (дата обращения 21.09.2021).
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2015 г. № 308-ЭС15-13761. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1384822 (дата обращения 21.09.2021).
13. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2017 г. № 50-АПГ16-30. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012017-n-50-arg16-30/> (дата обращения 21.09.2021).
14. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2015 г. по делу № А32-27320/2011 (15АП-19196/2013) // Картоотека арбитражных дел «Кад.Арбитр». URL: <https://kad.>

- arbitr.ru/Card/849fccdd-6329-4c1d-8e62-bc-fa122042d9 (дата обращения 08.01.2022).
15. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 30 сентября 2016 г.; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2017 г. по делу № А27-4204/2016 // Карточка арбитражных дел «Кад.Арбитр». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bab64161-2bcb-43e0-a24d-3070628ef68b> (дата обращения 08.01.2022).
  16. Загретдинов В.И., Лебедев В.А. Актуальные правовые проблемы осуществления аквакультуры на русловых прудах // Экологическое право. 2017. № 1. С. 19–25.
  17. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации по проекту федерального закона № 1039291-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования отношений в области аквакультуры (рыбоводства)» (повторно ко второму чтению) // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:30> (дата обращения 24.09.2021).
  18. Краснова И.О. Правовой режим земель водного фонда // Актуальные проблемы теории земельного права России / Под ред. А.П. Анисимова. М.: Юстицинформ, 2020. 800 с.
  19. Заключение Комитета Совета Федерации РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию от 27 июня 2017 г. № 3.7-03/1478 // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:34> (дата обращения 24.09.2021).
  20. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1110177-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/400310578/paragraph/16:38> (дата обращения 24.09.2021).
  21. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 2 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72299918/> (дата обращения 25.09.2021).
  22. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 301-ЭС18-10194 по делу № А39-7480/2015 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72126636/> (дата обращения 25.09.2021).
  23. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 января 2019 г. № Ф08-10597/18 по делу № А63-440/2018 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/40749426/> (дата обращения 25.09.2021).
  24. Решение Арбитражного суда Республики Адыгея от 14 августа 2020 г. по делу № А01-997/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pwMbrtNrWS6x/> (дата обращения 25.09.2021).
  25. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 ноября 2020 г. по делу № А32-26288/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/A0vJQDFtMxZ5/> (дата обращения 25.09.2021).
  26. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 марта 2021 г. по делу № А01-997/2020 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/40798258/> (дата обращения 25.09.2021).
  27. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2021 г. № 16АП-4010/20 по делу № А63-20384/2019 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/64210414/> (дата обращения 25.09.2021).
  28. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 308-ЭС21-8569 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/400920491/> (дата обращения 25.09.2021).
  29. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 марта 2021 г. № 15АП-621/21 по делу № А32-47638/2019 // Карточка арбитражных дел «Кад.Арбитр». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/217117d1-7cf4-4c25-8b38-1c4a2felac34> (дата обращения 25.09.2021).
  30. Сообщение о заседании правительственной комиссии по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса от 12 декабря 2018 г. // Официальный сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: <https://fish.gov.ru/news/2018/12/12/sostoyalos-zasedanie-pravkomissii-po-voprosam-razvitiya-rybokhozyajstvennogo-kompleksa/> (дата обращения 01.10.2021).
  31. Бевзенко Р.С. «Горизонтальное разделение» земельного участка. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.01.2018 № 305-ЭС17-14514 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 4–9. doi: 10.2139/ssrn.3174586.
  32. Проект федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/70156584/paragraph/48:45> (дата обращения 07.10.2021).
  33. Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы РФ на проект федерального закона № 1110177-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдель-

ные законодательные акты Российской Федерации» (второе чтение) // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/400310578/paragraph/16:51> (дата обращения 15.10.2021).

34. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 июля 2021 г. № Ф08-5372/21 по делу № А32-33695/2019 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/40807650/> (дата обращения 02.11.2021).
35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2021 г. по делу № 8Г-17265/2021 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/323278309/paragraph/1/doclist/18912/> (дата обращения 02.11.2021).
36. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2021 г. № 16АП-4202/20 по делу № А22-4624/2019 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/64691068/> (дата обращения 02.11.2021).
37. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2021 г. № 15АП-12691/21 по делу № А53-8145/2019 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/64577629/> (дата обращения 02.11.2021).
38. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2021 г. № 15АП-15863/21 по делу № А32-33947/2019 // Судебно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/64640717/> (дата обращения 02.11.2021).

REFERENCES

1. Kruglov V.V., Pelvitskaya E.P. O vzaimosvyazi norm zemel'nogo i vodnogo zakonodatel'stva v protsesse upravleniya zemlyami vodnogo fonda [On the relationship between land and water legislation in the water fund land management]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law: Education, Practice, Science], 2020, no. 5, pp. 69–73. doi: 10.34076/2410-2709-2020-5-69-75. (In Russian).
2. Khlebnikov P. Vodnye ob"ekty kak sobstvennost' — spory [Water bodies as a property: disputes]. *Zhilishchnoe pravo* [Estate Law], 2020, no. 2, pp. 5–13. (In Russian).
3. Proekt federal'nogo zakona ot 4 oktyabrya 2013 g. N 351873-6 “O vnesenii izmeneniya v stat'yu 8 Vodnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii” [Draft Federal Law dated October 4, 2013 No. 351873-6 “On the amendment of the Article 8 of the Water Code of the Russian Federation”. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/57706675/paragraph/1:5> (accessed 07.09.2021). (In Russian).
4. Proekt federal'nogo zakona ot 10 noyabrya 2014 g. N 646652-6 “O vnesenii izmeneniy v Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ispol'zovaniya prudov, prudov-kopaney i obvodnennykh kar'erov” [Draft Federal Law dated November 10, 2014 No. 646652-6 “On the amendment of the Water Code of the Russian Federation and some legislative acts of the Russian Federation concerning ponds, borrow pits, and water-filled quarries”]. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/70790006/paragraph/1:10> (accessed 07.09.2021). (In Russian).
5. Proekt federal'nogo zakona ot 3 fevralya 2015 g. N 714071-6 “O vnesenii izmeneniy v Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii” [Draft Federal Law dated February 3, 2015 No. 714071-6 “On the amendment of the Water Code of the Russian Federation”]. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/57717448/paragraph/1:14> (accessed 07.09.2021). (In Russian).
6. Otvet Minprirody Rossii na vopros “Proshu dat' yuridicheski obosnovannoe ponyatie takogo termina, kak “prud”, ispol'zuemogo v vodnom zakonodatel'stve RF”, sentyabr' 2017 g. [Response of the Ministry of Natural Resources and the Environment of the Russian Federation to the request of the legally supported explanation of the term “pond”, used in the water resources legislation of the Russian Federation, dated September, 2017]. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://base.garant.ru/77711857/> (accessed 10.09.2021). (In Russian).
7. Dos'e na proekt federal'nogo zakona N 1039291-6 “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya otnosheniy v oblasti akvakul'tury (rybovodstva)” [Record of the Draft Federal Law No. 1039291-6 “On the amendment of some legislative acts of the Russian Federation concerning the improvement of the relationships in the field of aquaculture (fish farming)”]. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/77224774/paragraph/921:18> (accessed 12.09.2021). (In Russian).
8. Zaklyuchenie Komiteta Soveta Federatsii RF po agrarno-prodovol'stvennoy politike i prirodopol'zovaniyu ot 27 iyunya 2017 g. N 3.7-03/1478 [Resolution of the Federation Council Committee of the Russian Federation on Agriculture and Food Policy and Environmental Management dated June 27, 2017 No. 3.7-03/1478]. In: *Spravochno-pravovaya sistema “Garant”* [Legal Information Database “Garant”]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:23> (accessed 16.09.2021). (In Russian).
9. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na “Forume deystviy. Regiony” ONF [Verbatim report of the

- V.V. Putin's speech at "Action Forum. Regions" of the All-Russia People's Front]. In: *Rossiyskaya gazeta [Russian Gazette]*, 2016. Available at: <https://rg.ru/2016/04/25/reg-pfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-forume-dejstvij-regiony-onf.html> (accessed 16.09.2021). (In Russian).
10. GOST 19179-73 Gidrologiya sushy. Terminy i opredeleniya [State Standard 19179-73 Hydrology of land. Terms and definitions]. Moscow: Gosudarstvennyy komitet SSSR po standartam [USSR State Committee of Standards] Publ., 1988, 36 p. (In Russian).
  11. Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 26 noyabrya 2014 g. N 308-ES14-4396 po delu N A53-24181/2012 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2014 No. 308-ES14-4396 on the case No. A53-24181/2012]. Available at: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1385814 (accessed 21.09.2021). (In Russian).
  12. Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 oktyabrya 2015 g. N 308-ES15-13761 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 23, 2015 No. 308-ES15-13761]. Available at: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1384822 (accessed 21.09.2021). (In Russian).
  13. Apellyatsionnoe opredelenie Sudebnoy kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 18 yanvarya 2017 g. N 50-APG16-30 [Appellation Ruling of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 19, 2017 No. 50-APG16-30]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/apellyatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18012017-n-50-apg16-30/> (accessed 21.09.2021). (In Russian).
  14. Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 2 fevralya 2015 g. po delu N A32-27320/2011 (15AP-19196/2013) [Decision of the Fifteenth Appellate Court of Arbitration dated February 2, 2015 on the case No. A32-27320/2011 (15AP-19196/2013)]. In: *Kartoteka arbitrazhnykh del "Kad.Arbitr"* [Database of Arbitration Cases "Cad.Arbitr"]. Available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/849fccdd-6329-4c1d-8e62-bcfa122042d9> (accessed 08.01.2022). (In Russian).
  15. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kemerovskoy oblasti ot 30 sentyabrya 2016 g.; Postanovlenie Sed'mogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 4 sentyabrya 2017 g. po delu N A27-4204/2016 [Decision of the Court of Arbitration of Kemerovo Region dated September 30, 2016; Decision of the Seventh Appellate Court of Arbitration dated September 4, 2017 on the case No. A27-4204/2016]. In: *Kartoteka arbitrazhnykh del "Kad. Arbitr"* [Database of Arbitration Cases "Cad. Arbitr"]. Available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/bab64161-2bcb-43e0-a24d-3070628ef68b> (accessed 08.01.2022). (In Russian).
  16. Zagretdinov V.I., Lebedev V.A. Aktual'nye pravovye problemy osushchestvleniya akvakul'tury na ruslovykh prudakh [Topical legal issues of aquaculture at channel ponds]. *Ekologicheskoe pravo [Environmental Law]*, 2017, no. 1, pp. 19–25.
  17. Zaklyuchenie Pravovogo upravleniya Apparata Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii po proektu federal'nogo zakona N 1039291-6 "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya otnosheniy v oblasti akvakul'tury (rybovodstva)" (povtorno ko vtoromu chteniyu) [Resolution of the Legal Directorate of the Central Office of the State Duma of the Russian Federation on the Draft Federal Law No. 1039291-6 "On the amendment of some legislative acts of the Russian Federation concerning the improvement of the relationships in the field of aquaculture (fish farming)" (repeated for the second reading)]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant"* [Legal Information Database "Garant"]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:30> (accessed 24.09.2021). (In Russian).
  18. Krasnova I.O. Pravovoy rezhim zemel' vodnogo fonda [Legal status of water fund lands]. In: *Aktual'nye problemy teorii zemel'nogo prava Rossii [Actual problems of the theory of land law in Russia]*. A.P. Anisimov (Ed.). Moscow: Yustitsinform [JusticeInform], 2020, 800 p. (In Russian).
  19. Zaklyuchenie Komiteta Soveta Federatsii RF po agrarno-prodovol'stvennoy politike i prirodopol'zovaniyu ot 27 iyunya 2017 g. N 3.7-03/1478 [Resolution of the Federation Council Committee of the Russian Federation on Agriculture and Food Policy and Environmental Management dated June 27, 2017 No. 3.7-03/1478]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant"* [Legal Information Database "Garant"]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/71372752/paragraph/14:34> (accessed 24.09.2021). (In Russian).
  20. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona N 1110177-7 "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob akvakul'ture (rybovodstve) i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 1110177-7 "On the amendment of the Federal Law "On aquaculture (fish farming) and amendment of some legislative acts of the Russian Federation" and some legislative acts of Russian Federation"]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant"* [Legal Information Database "Garant"]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/400310578/paragraph/16:38> (accessed 24.09.2021). (In Russian).
  21. Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyulya 2019 g. N 2 [Review of the Rulings of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 17, 2019 No. 2]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant"* [Legal Information

- Database "Garant"*. Available at: <https://base.garant.ru/72299918/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
22. *Opređenje Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnoy Suda Rossiyskoy Federatsii ot 6 dekabrya 2018 g. N 301-ES18-10194 po delu N A39-7480/2015* [Ruling of the Judicial Chamber on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 6, 2018 No. 301-ES18-10194 on the case No. A39-7480/2015]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/72126636/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  23. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 22 yanvarya 2019 g. N F08-10597/18 po delu N A63-440/2018* [Decision of the Court of Arbitration of North Caucasian Federal District dated January 22, 2019 No. F08-10597/18 on the case No. A63-440/2018]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/40749426/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  24. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Adygeya ot 14 avgusta 2020 g. po delu N A01-997/2020* [Decision of the Court of Arbitration of the Republic of Adygea dated August 14, 2020 on the case No. A01-997/2020]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pwMbrtNrWS6x/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  25. *Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 25 noyabrya 2020 g. po delu N A32-26288/2018* [Decision of the Fifteenth Appellate Court of Arbitration dated November 25, 2020 on the case No. A32-26288/2018]. Available at: <https://sudact.ru/vsrf/doc/A0vJQDFtMxZ5/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  26. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 9 marta 2021 g. po delu N A01-997/2020* [Decision of the Court of Arbitration of North Caucasian Federal District dated March 9, 2021 on the case No. A01-997/2020]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/40798258/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  27. *Postanovlenie Shestnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18 yanvarya 2021 g. N 16AP-4010/20 po delu N A63-20384/2019* [Decision of the Sixteenth Appellate Court of Arbitration dated January 18, 2021 No. 16AP-4010/20 on the case No. A63-20384/2019]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/64210414/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  28. *Opređenje Verkhovnoy Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyunya 2021 g. N 308-ES21-8569* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 17, 2021 No. 308-ES21-8569]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/400920491/> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  29. *Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 17 marta 2021 g. N 15AP-621/21 po delu N A32-47638/2019* [Decision of the Fifteenth Appellate Court of Arbitration dated March 17, 2021 No. 15AP-621/21 on the case No. A32-47638/2019]. In: *Kartoteka arbitrazhnykh del "Kad.Arbitr" [Database of Arbitration Cases "Cad.Arbitr"]*. Available at: <https://kad.arbitr.ru/Card/217117d1-7cf4-4c25-8b38-1c4a2fe1ac34> (accessed 25.09.2021). (In Russian).
  30. *Soobshchenie o zasedanii pravitel'stvennoy komissii po voprosam razvitiya rybokhozyaystvennogo kompleksa ot 12 dekabrya 2018 g.* [Report on the hearing of the Government Commission on the Matters of Fisheries and Aquaculture Development dated December 12, 2018]. In: *Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo agentstva po rybolovstvu [Official website of the Federal Agency for Fishery]*. Available at: <https://fish.gov.ru/news/2018/12/12/sostoyalos-zasedanie-pravkomissii-po-voprosam-razvitiya-rybokhozyajstvennogo-kompleksa/> (accessed 01.10.2021). (In Russian).
  31. Bevzenko R.S. "Gorizontal'noe razdelenie" zemel'nogo uchastka. Kommentariy k Opređeniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 16.01.2018 N 305-ES17-14514 ["Horizontal division" of a land plot. Comments on the Ruling of the Supreme Court of Russia in the Case No. 305-ES17-14514]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]*, 2018, no. 4, pp. 4–9. doi: 10.2139/ssrn.3174586. (In Russian).
  32. *Proekt federal'nogo zakona N 47538-6/5 "O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa RF"* [Draft Federal Law No. 47538-6/5 "On the amendment of the Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/70156584/paragraph/48:45> (accessed 07.10.2021). (In Russian).
  33. *Zaklyuchenie Pravovogo upravleniya Apparata Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Federatsii na proekt federal'nogo zakona N 1110177-7 "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob akvakul'ture (rybovodstve) i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* (vtoroe chtenie) [Resolution of the Legal Directorate of the Central Office of the State Duma of the Russian Federation on the Draft Federal Law No. 1110177-7 "On the amendment of the Federal Law "On aquaculture (fish farming) and amendment of some legislative acts of the Russian Federation" and some legislative acts of Russian Federation" (second reading)]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant"*

- [*Legal Information Database "Garant"*]. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/400310578/paragraph/16:51> (accessed 15.10.2021). (In Russian).
34. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 20 iyulya 2021 g. N F08-5372/21 po delu N A32-33695/2019 [Decision of the Court of Arbitration of North Caucasian Federal District dated July 20, 2021 No. F08-5372/21 on the case No. A32-33695/2019]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/40807650/> (accessed 02.11.2021). (In Russian).
35. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Tret'ego kassatsionnogo suda obshchey yurisdiksiy ot 15 sentyabrya 2021 g. po delu N 8G-17265/2021 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Third General Jurisdiction Court of Cassation dated September 15, 2021 on the case No. 8G-17265/2021]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/323278309/paragraph/1/doclist/18912/> (accessed 02.11.2021). (In Russian).
36. Postanovlenie Shestnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18 oktyabrya 2021 g. N 16AP-4202/20 po delu N A22-4624/2019 [Decision of the Sixteenth Appellate Court of Arbitration dated October 18, 2021 No. 16AP-4202/20 on the case No. A22-4624/2019]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/64691068/> (accessed 02.11.2021). (In Russian).
37. Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 12 avgusta 2021 g. N 15AP-12691/21 po delu N A53-8145/2019 [Decision of the Fifteenth Appellate Court of Arbitration dated August 12, 2021 No. 15AP-12691/21 on the case No. A53-8145/2019]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/64577629/> (accessed 02.11.2021). (In Russian).
38. Postanovlenie Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 21 sentyabrya 2021 g. N 15AP-15863/21 po delu N A32-33947/2019 [Decision of the Fifteenth Appellate Court of Arbitration dated September 21, 2021 No. 15AP-15863/21 on the case No. A32-33947/2019]. In: *Spravochno-pravovaya sistema "Garant" [Legal Information Database "Garant"]*. Available at: <https://base.garant.ru/64640717/> (accessed 02.11.2021). (In Russian).

Поступила 14.11.2021

Принята к печати 02.02.2022